

заций может обеспечить как поддержку культурных, социальных и других программ диаспоры, так и развитие деловых отношений с российскими, белорусскими и украинскими предпринимателями на государственном уровне. В целом деятельность славянских общественных организаций должна быть направлена на утверждение и поддержание нового социально-политического статуса соотечественников, что, в конечном итоге, будет способствовать построению стабильного гражданского общества, общества без конфликтов и насилия.

Конференция прошла в конструктивной и деловой атмосфере. На основе выработанных рекомендаций был подготовлен Итоговый документ, содержащий 24 предложения, с которыми общественные организации должны обратиться в парламенты и правительства своих республик. Участники выразили надежду, что данная конференция привлечет внимание правительственных и общественных структур Армении, Грузии, Азербайджана, а также России, Белоруссии, Украины к проблемам славян, проживающих в кавказском регионе, и придаст импульс для решения их социально-экономических и других проблем. Они обратились к главам этих государств с просьбой о содействии в выполнении отдельных пунктов принятых рекомендаций.

Учитывая, что эффективная совместная работа будет способствовать созданию полноценной славянской диаспоры, было принято решение об учреждении Исполнительного комитета славянских общественных организаций государств Закавказья, которому поручено контролировать выполнение рекомендаций конференции.

Участники конференции выразили признательность президенту Республики Армения Р.С. Кочаряну, государственным структурам республики, посольствам Российской Федерации и Республики Беларусь в РА, партии «Дашнакцутюн», компании «Армянские авиалинии», которые оказали всестороннюю помощь и содействие в проведении этой конференции, а также ее организаторам – «Славянскому дому» и Российско-Армянскому государственному университету.

С целью создания полной картины жизни славянского населения в государствах кавказского региона и глубокого понимания стоящих перед ним проблем планируется опубликовать доклады и материалы конференции.

Н.К. Густова, И.В. Долженко

© 2002 г., ЭО, № 4

БАСИЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ-2001

4 июня 2001 г. в Институте этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая состоялось второе заседание семинара «Басиловские чтения»¹, посвященное теме «Иранский мир в Средней Азии: история и современность». Во вступительном слове заведующий отделом Средней Азии и Казахстана ИЭА В.И. Бушков вспоминал о выдающихся среднеазиатских этнографами и археологах, ушедших за последний год из жизни – А. Бабаеве, А.Н. Жилиной, Б.Х. Кармышевой, К.Ш. Шаниязове.

Первым на заседании выступил С.П. Поляков (кафедра этнографии МГУ) с докладом «Иранский пласт в этногенезе народов Средней Азии». Он отметил, в частности, что в последние годы иранистика стала занимать подчиненное положение по отношению к тюркологии. Одна из причин этого – тот факт, что тюркоязычные государства региона, озабоченные поиском древних «национальных» корней, имеют более мощный научный потенциал для продвижения своей проблематики и интересов в ученом сообществе. Другая причина, по мнению докладчика, заключается в том, что письменные источники отражают в основном историю тюркских династий, тогда как древнеиранский период истории региона представлен главным образом этнографическими, археологическими, антропологическими и лингвистическими данными, которые не дают однозначной «этнической привязки» и не могут точно датироваться. Тем не менее, как подчеркнул С.П. Поляков, у науки нет никаких оснований пересматривать тезис о существенной и даже главенствующей роли древнеиранского пласта в культуре народов Средней Азии.

В.Л. Огудин (Общество исследователей религии) в докладе «Сюжеты древнеиранской мифологии и природные места поклонения Ферганы» попытался охарактеризовать основные черты такого явления, как маздаизм (совокупность местных верований и культов доисламского периода). В Средней Азии маздаизм был тесно связан с иранским периодом истории региона. Докладчик считает, что следы маздаизма сохранились, в частности, в культе святых мест, и привел соответствующие примеры (культ коня, культ женской богини, культ Сулеймана-Джемшида и т.д.).

Л.А. Ч в ы р ь (Институт востоковедения (ИВ) РАН) в докладе «Иранизмы в традиционной культуре уйгуров» попыталась проанализировать разные временные пласты проникновения «иранизмов» в культуру населения Синьцзяна – наиболее близкого по культуре и языку народам Средней Азии региона. Первый пласт «иранизмов» – это наследие II–I тыс. до н.э., когда в регионе жили древнеиранские народы. Как выразилась докладчица, традиционная тюркская культура I тыс. н.э. – это уже вариант «тюрко-иранского синтеза». Второй пласт – внешнее согдийское влияние на тюркскую культуру. Третий пласт – исламизация X–XV вв., которая привнесла в тюркскую культуру Синьцзяна многие элементы иранской под видом ислама и суфизма. Л.А. Чвырь сделала попытку перечислить «иранизмы», включив в их число женские образы святых-божеств, пережитки дуализма, отношение к собаке, понятие «чет-нечет», календарные праздники и т.д. Она подчеркнула также тесную связь «иранизмов» с «пережитками» зороастризма, которые можно до сих пор найти в детской, поминальной обрядности и т.д.

Н.П. Л о б а ч е в а (ИЭА) в докладе «Лечение бесплодия на мазаре Султан-бобо в Хорезме: к характеристике древнеиранских пережитков» рассказала о паломничестве к одному из наиболее известных святых мест в Средней Азии. По мнению докладчицы, этот культ имеет элементы почитания зороастрийской богини Анахиты и другие элементы, которые восходят к представлениям древнехорезмийской иранской культуры.

В.И. Б у ш к о в (ИЭА) в докладе «К проблеме определения административного деления Уструшаны» рассказал об изучении топонимии древней Уструшаны, попытавшись таким образом восстановить административное деление этого доисламского согдийского государства. Докладчик обосновал локализацию некоторых уструшанских районов (рустаков), местоположение которых ранее вызывало споры среди специалистов.

Д.В. М и к у л ь с к и й (ИВ РАН) в докладе «Традиционные иранские образы в идеологии Исламской партии возрождения Таджикистана» отметил, что в программе ИПВТ декларируется «надэтничность», но при этом в самой этой идеологии активно используются этнические мотивы и образы. Д.В. Миккульский сделал вывод, что этническое начало в идеологии таджикских исламистов сильнее, чем религиозное.

Г.П. В а с и л ь е в а (ИЭА) в докладе «Пережитки домусульманских обычаев в туркменской семье (XX век)» попыталась выделить «иранизмы» в туркменской культуре. К «иранизмам» докладчица отнесла, в частности, элементы брачных обрядов (экзогамия, левират, сорорат, авункулат). Хотя в данном случае речь идет о «стадиальных», а не о «культурных» явлениях, Г.П. Васильева посчитала правомерным отнести их к числу «иранизмов», поскольку, как она полагает, многие первобытные пережитки были заимствованы туркменами-огузами именно у иранцев. Докладчица подчеркнула, что значительный пласт «иранизмов» можно обнаружить у группы *тат*, непосредственно связанной с древними иранцами, которая в своей культуре имеет много общего с узбеками и таджиками (календарные обряды, почитание огня и т.д.).

С.С. Г у б а е в а (ИЭА) в докладе «Иранские соответствия в современной обрядности населения Средней Азии» отметила наличие множества сходных элементов культуры у современных иранцев (таджики) и тюрков (узбеки, уйгуры, киргизы, казахи). Однако докладчица посчитала, что не во всех случаях такое совпадение говорит о заимствовании. В ряде случаев, видимо, имеют место типологически схожие явления, которые возникают в разных культурах на определенной стадии развития независимо друг от друга.

В дискуссии, развернувшейся после выступлений докладчиков, В.И. Бушков отметил, что многие элементы культуры современных народов Средней Азии, которые принято считать древнеиранскими по происхождению, восходят не к иранскому, а к более раннему периоду истории, и охватывают более широкий круг современных народов (не только ираноговорящих), имеющих право претендовать на это наследство. В качестве примера В.И. Бушков привел так называемую ностратическую языковую семью.

Участники семинара пришли к выводу, что не следует автоматически включать в число «иранизмов» все то, что не вписывается в образ традиционной тюркской культуры, а также объединять названием «иранизмы» собственно иранские и более древние (индоевропейские, ностратические) пласты, общие для региона Ближнего и Среднего Востока (включая Тибет) религиозные представления и, наконец, стадиально близкие элементы культуры и быта.

Примечание

¹ О первом заседании см.: Этнограф. обозрение. 2001. № 3.